

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА» | ВЕЧНЫЕ КНИГИ

Евгений Евтушенко

НЕ ТЕРЯЙТЕ
ОТЧАЯНЬЯ

НОВАЯ КНИГА. СТИХИ 2014—2015

Евгений Евтушенко

**Не теряйте отчаянья. Новая
книга. Стихи 2014–2015 гг.**

«Азбука-Аттикус»

2015

Евтушенко Е. А.

Не теряйте отчаянья. Новая книга. Стихи 2014–2015 гг. /

Е. А. Евтушенко — «Азбука-Аттикус», 2015 — (Вечные книги (Азбука))

В новую книгу Евгения Александровича Евтушенко, знаменитого поэта-шестидесятника, вошли стихи, написанные в 2014–2015 гг. Стихи о любви и достоинстве, о мире и войне, о милосердии, о силе поэзии и силе добра, об отчаянии и надежде, о мужестве. Честный разговор о времени и о себе... «Типичный» Евтушенко, как сказал автор, отдавая сборник в печать, – Евтушенко, которого знают и любят многие поколения читателей.

© Евтушенко Е. А., 2015

© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

«Ты напрасно на мать разобиделся...»	6
В университетском киноклассе	8
Самое главное сейчас – остановить кровь. Все идеологии, вместе взятые, не стоят и одной человеческой жизни[9]	12
Государство, будь человеком!	14
Почти сон	15
Оплакиваемый самолет	16
Медсестра из Макеевки	18
«Низачтошеньки, никогдашеньки...»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Евгений Евтушенко
Не теряйте отчаянья. Новая
книга. Стихи 2014–2015 гг.

© Е. Евтушенко, 2015

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

«Ты напрасно на мать разобиделся...»

Ты напрасно на мать разобиделся,
Левушка-Гумилевушка...
С нею встреться на небе,
прости ее,
благослови.
Как же не понимала
твоя золотая головушка
то, что если мы все по колено в крови,
то спасенье в любви.
В коммуналке,
где ныне музей петербургский Ахматовой,
твоей ревности жар,
что вполне объясним,
к человеку, который тебе не отец,
тебя, Левушка, знобко охватывал,
но вы схвачены были, как будто сообщники, с ним.
И расслышал и ты,
и дотошные энкавэдэшники,
наглый стук чьих сапог коммуналку шатнул,
вместо: «Вы не теряйте надежд» –
когда не было ни надеждинки,
«Не теряйте отчаянья!» –
Пунин Ахматовой нежно шепнул.
И казалось, что все уже с ними окончено
и, как Блок предсказал,
что никто не вернется назад,
и, забившись в уборную,
Пунина дочка выглядывала в окошечко,
когда их уводили по лестнице в дантовский ад.
А в дверях,
не теряя в униженности величавости,
встала Анна Андреевна,
окаменев,
научившаяся
так бесслезно отчаиваться,
чтоб себе не позволить
ни слабость,
ни гнев.
Ей везло на несчастья...
Она их притягивала.
Стала жизнь одиночкой
в такой многокамерной нашей стране.
Но прощальная фраза
пульсировала и вздрагивала:
«Не теряйте отчаянья!» –

и повторялась во сне.
Есть надежды,
какие приравнены к выгодам.
Счастье скользкое – быть
оправдавшим надежды свои подлецом.
Но отчаянье, ставшее мужеством,
может стать выходом,
благороднейшим выходом,
а не концом.

4 августа 2014

Написано после посещения петербургского Музея Анны Ахматовой, находящегося в бывшей коммуналке, где Анна Андреевна жила в гражданском браке с историком-искусствоведом Н. Н. Пуниным (1888–1953), куда временами приезжал ее сын Л. Гумилев (1912–1992).

В университетском киноклассе

Двадцать лет я в Оклахоме, в Талсе,
словно в неоконченном бою,
будто бы один в живых остался,
Эльбы братский дух преподаю.

Я люблю моих американцев,
чьи солдаты-дедушки тогда
с русскими не стали пререкаться,
и война была на всех одна.

Как они на лодках с водкой в глотках
обнимались, видел я в кино,
при регулировщицах-красотках,
их и наших, что не все ль равно.

Дина Дурбин пела о Победе
и была у стольких на значках.
«Едут леди на велосипеде»,
распевая, я по ней зачах.

Вжились вместе Рузвельт, Черчилль, Сталин
и де Голль, как бурлаки, в их роль.
Чаплином и Теркиным был свален
Гитлер – разгероенный герой.

Все фашисты носом ткнулись слепо
в геббельсовский пепел заодно.
Сент-Экзюпери разил их с неба,
а Хемингуэй пускал на дно.
Вот какое удалось кино!

Правда, все мы сделали полдела –
почему? Понять я не могу,
а потом война опять сдурела,
превратясь в холодную каргу.
Я учу всех не иметь с ней дела,
как не верить общему врагу.

Но о мире фразы, фразы, фразы,
обещая вроде благодать,
превращаться стали в дроны, в базы,
а сквозь них сердец не увидеть.

Не шестидесятники-поэты,
а за лицемером лицемер

объявили собственной победой
роковой развал СССР.

Разве ты, искусство, разучилось
нас объединять? Я не пойму,
как в стране Шевченко приключилось
с пушкинской страной вести войну?

Вкрадчивая Третья мировая
на земле измученной идет,
но не устает, нас примиряя,
пырьевский князь Мышкин, «идиот».

Если б «идиоты» все такие
были бы, мир стал бы исцелим,
были б в дружбе и Луганск, и Киев,
даже Газа и Иерусалим.

Как сплотились воры и воришки
в мафии, где жизни на кону,
и как слиплись войны и войнишки
в третью лицемерную войну!

Помню – вместе с жертвами сгорая,
небоскреб пронзая в конце концов,
полетел к обещанному раю
самолет джихадовских слепцов.

И по той преступной страшной трассе
до сих пор, почти полузабыт,
во французском фильме¹, в киноклассе
он сквозь наши ребра все летит.

Но я, слава Богу, был свидетель,
как, прокляв тот день календаря,
встали в ряд арабские студенты,
жертвам взрывов кровь свою даря.

Ненависть я с детства ненавижу.
Я люблю тебя, мой кинокласс,
и, надеюсь, будущее вижу
в глубине твоих беззлобных глаз.

Отрезают головы ножами.
Без голов о чем поговорим?
А потом – лишь кнопку нажали,

¹ Знаменитый французский документальный фильм одиннадцати режиссеров мира о реакции людей разных стран на трагедию в США 11 сентября 2001 года. – *Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, примеч. автора.*

да и меньше племенем одним.

Ну а человеческое племя –
неужели нам не до того?
Неужели атомное пламя
выжжет окончательно его?

Может быть, кому-то снится слава
здесь, на этой лучшей из планет,
доктора нацистского Стрейнджлава?²
Обещаю – в нашем классе – нет.

Не бомбят младенцев бомбовозы
в классе нерехнувшемся моем.
Лошадь тянет Сталина под слезы
лишь о трупах Трубной – не о нем³.

Здесь так любят о холодном лете
прошкинский, пожалуй, лучший фильм⁴
дети Чили и Анголы дети,
парагвайка, чероки⁵ и финн...

Плакали ковбоистые янки,
что Папанов уркой был убит.
И не будет в сердце китайки
никогда Приемыхов забыт.

Жаль, что запоздало Мордюковой
выразил ковбой за «Комиссар»
благодарность дедовской подковой –
этот фильм – он столько потрясал.

Вот что написала поэтесса,
и представьте, что из США:
«Думала над фильм „Unfinished пьеса“⁶...
У меня теперь другой душа...»

И в письме Самойловой Татьяне,
веря, что она еще жива,
фото мужа, павшего в Афгане,
принесла талсанская вдова.

² «Доктор Стрейнджлав» – известный антивоенный фильм Стенли Кубрика 1964 года.

³ Документальный кадр из фильма Евгения Евтушенко «Похороны Сталина», когда лошадь с гробом вождя неожиданно остановилась при въезде на Красную площадь.

⁴ Фильм Александра Прошкина «Холодное лето пятьдесят третьего».

⁵ Одно из индейских племен в США.

⁶ Один из лучших фильмов Никиты Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино».

Разве землю мало истерзали?
Кинокласс – особая страна.
Войнообожателей нет в зале.
В зале все твои враги, война.

Снайпером Кабирия⁷ не стала,
хоть жилось ей вовсе не легко,
и дорогу к храму показала
всем Анджапаридзе Верико⁸.

31 декабря 2014 – 2 января 2015

*(дописано автором с учетом отливок и предложений читателей
на сайте КП)*

⁷ Джульетта Мазина, сыгравшая главную роль в фильме Федерико Феллини «Ночи Кабирии».

⁸ Верико Анджапаридзе – актриса из фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние».

Самое главное сейчас – остановить кровь. Все идеологии, вместе взятые, не стоят и одной человеческой жизни⁹

Много лет назад после дня рождения Роберта Кеннеди один из его гостей предложил мне свою машину, чтобы добраться до Вашингтона. Было уже за полночь, и я спешил на свидание в ночной ресторан. Собеседник представился секретарем Макнамара. В английском языке нет склонений, и я решил, что передо мной секретарь министра обороны США. Шел 1966 год, в полном разгаре война во Вьетнаме, но она была настолько непопулярна в мире, что когда венецианские гондольеры приняли меня за американца, то отказались брать на борт не только меня, но и мою спутницу. Я напел им несколько куплетов из любимой итальянскими антифашистами-партизанами песни «Выходила на берег Катюша», и они, поняв, что я русский, посадили нас в гондолу бесплатно, еще и вином угостили.

В то время 27 университетов Америки пригласили меня для поэтического турне. Президент Линдон Джонсон, узнав, что я в США, через своего помощника позвал меня в Белый дом. Мне было бы, безусловно, интересно поговорить с американским президентом, да еще и с глазу на глаз, но я ответил ему честно в своем письме, что Союз американских студентов, который составлял мое расписание и всячески поддерживал антивоенные демонстрации, неправильно бы это понял, и выразил президенту вежливое сожаление. Посол СССР Анатолий Добрынин очень хотел, чтобы я встретился с Джонсоном, но я стоял на своем: не сейчас. Это было время эскалации конфликта и усиления бомбежек во Вьетнаме.

Человека, показавшегося мне секретарем Макнамара, я как бы в шутку спросил: «А это правда, что ваш босс такой уж крокодил войны, как его недавно изобразила левая хипповая газета в Сохо?» Он понял мою ошибку, но ему хватило чувства юмора, чтобы ответить со вздохом: «Этот крокодил, к сожалению, не мой босс, а я сам». Разумеется, после этого мы разговорились всерьез, и, зная, что я не какой-то желтый журналистик, а известный поэт, друг Роберта Фроста, Артура Миллера, Джона Стейнбека, Билла Стайрона, он мне сказал очень грустно и исповедально: «Это вам покажется странным, но, наверное, никто в мире так не ненавидит эту вьетнамскую войну, как я. И я бы много отдал, чтобы ее остановить. Но большая война – как локомотив, движущийся по инерции: вы нажимаете на тормоз, а состав еще долго едет по живому...» Кстати, много лет спустя Макнамара летел через Москву из Вьетнама, куда приезжал вместе с документальным фильмом о Вьетнаме, со своими горькими и честными комментариями. Может быть, он кому-то и показался двуликим Янусом, но я свидетельствую, защищая его честь, что он и тогда, будучи министром обороны США, говорил то же самое, а остановить локомотив не смог. А мы обязаны это сделать, иначе зачем же так называемое перемирие? Все те, кто его нарушает, должны быть объявлены военными преступниками.

Сколько же времени понадобится, чтобы остановить войну? Чем дальше, тем труднее это сделать. Я не хочу обращаться к тем, кто получает удовольствие и заработок мясников от многих войн, которые идут сейчас на планете, в том числе от одной из самых нелепых и непростительнейших войн за всю историю человечества: народа Шевченко с народом Пушкина. Я заклинаю этими двумя именами всех тех, кто все-таки понимает, что неизбежно

⁹ Известный российский поэт Евгений Евтушенко по инициативе издания «ГОРДОН» написал колонку со своим видением и путями выхода из сегодняшней ситуации в Украине, а также передал для украинских читателей свой новый поэтический тетраптих. Приводим текст автора без изменений. – *Примеч. ред. издания «ГОРДОН».*

настанет день, когда нам всем придется покаяться в том, что сейчас происходит. Не надо только торговаться, кто первый начал, кто больше наубивал.

Неужели вы хотите, чтобы украинско-русская вражда превратилась в то, во что превратились бесконечные израильско-арабские взаимоубийства? А в моих классах поэзии и киноклассе молодые арабы и молодые американские евреи братались после взрывов двух небоскребов-близнецов и стояли в очереди, чтобы сдать донорскую кровь жертвам этого чудовищного теракта.

В одной стране третьего мира мое имя без моего разрешения поставили под письмом в защиту детей Газы, и я сказал твердо и ясно: «Подпишу такое письмо только тогда, когда рядом вы мне дадите подписать письмо в защиту и еврейских детей». Слава богу, они, кажется, поняли это и извинились передо мной. Это не беспринципность – это должно стать общим принципом человечества. Иного спасения нет и не будет.

Священник Михаил Моргулис, много делающий для того, чтобы остановить кровь, где бы она ни текла, рассказал мне, как убили Людмилу Прохорову, врача детского интерната, где воспитываются жертвы врожденного ВИЧ мал мала меньше. Она шла после работы домой, еле держась на ногах. Мимо летел джип, из него полоснула автоматная очередь. Миша рассказывал о ней как о святой женщине. Наповал, ни за что ни про что. Я спрашиваю его: «Кто?» Он: «Такая скорость была, что разобрать нельзя, да и маска». – «За что? Зачем?» – спросил я. «Да чтоб другим было страшно, Женя...»

Это пьянство, так называемое пьянство крови, когда люди начинают сходить с ума, может быть, от чувства мщения, а потом и от озверения... Даже когда-то хорошие люди теряют разум.

Чем я могу еще помочь? Только молиться Богу, что я и делаю. Но я молюсь стихами, обращаясь и к людям. Ведь я могу давать оценку событиям только как человек, но каждый политик прежде всего тоже должен быть человеком. Я написал тетраптих, посвященный событиям в Украине. Я и к государству обратился в первой части: Государство, будь человеком. Две другие называются «Почти сон» и «Оплакиваемый самолет». Этими произведениями я сделал то, чего не делал ни один человек, близкий к Украине. Я призвал своих друзей-писателей тоже высказаться, потому что в моих стихах написано все, что думаю. Не люблю хвалить свою поэзию, но фабула прозрачная совершенно. Был такой случай, когда украинцы в Крыму шли на свою базу и встретили вот этих, так сказать, людей в зеленой форме. И ведь они как-то нашли друг с другом общий язык. «Почти сон» – об этом. И мое новое стихотворение «Медсестра из Макеевки». В нем полностью соблюдена презумпция невиновности – я не обвиняю ни одну из сторон отдельно, ведь главный преступник – сама война. Поэт Иван Елагин, мой друг-киевлянин, был мужем поэтессы – автора первого стихотворения «Бабий Яр», сочиненного в 1941#м, Ольги Анстей. Он написал великие предупреждающие строки: «Кто не убьет войну, того убьет война». Если мы не убьем эту войну в наших сердцах, она убьет всех нас.

Подписание договора о перемирии – единственный правильный шаг сегодня. Самое главное сейчас – остановить кровь. Все идеологии, вместе взятые, не стоят и одной человеческой жизни.

Любящий Россию и Украину

Евгений Евтушенко

Государство, будь человеком!

Нянька предков моих – Украина,
во Днепре окрестившая Русь,
неужели ты будешь руина?
Я боюсь за тебя и молюсь.

Невидимками на Майдане
вместе – Пушкин, Брюллов, мы стоим.
Здесь прижались к народу мы втайне,
как давно и навеки к своим.

И трагическая эпопея,
словно призрак гражданской войны,
эта киевская Помпея,
где все стали друг другу «воны».

Здесь идут, как на стенку стенка,
брат на брата, а сын на отца.
Вы, Шевченко и Лина Костенко,
помирите их всех до конца!

Что за ненависть, что за ярость
и с одной, и с другой стороны!
Разве мало вам Бабьего Яра
и вам надо друг с другом войны?

Ты еще расцветешь, Украина,
расцелуешь земли своей ком.
Как родных, ты обнимешь раввина
с православным священником.

Государство, будь человеком!
Примири всех других, а не мсти.
Над амбициями, над веком
встань и всем, вместе с Юлей, прости.

Всем Европой нам стать удастся.
Это на Небесах решено.
Но задумайся, государство, –
а ты разве ни в чем не грешно?

Ночь с 18 на 19 февраля 2014 года

Почти сон

Это был почти сон, но навек он спасен.
Нам его показал телевизор.
По степи шла одна из солдатских колонн,
безоружна, похожа на вызов.

Что за чувства солдат на опасность вели,
хотя сами того не хотели?
Но знамена в руках, не касаясь земли,
что-то тайное им шелестели.

И под птиц заклиняющие голоса
и шагавшие, и часовые
посмотрели друг другу в родные глаза,
но как будто их видят впервые.

Эти парни, прицелы сумев отвести,
не дождавшись вас всех, дипломаты,
преподали вам, как себя надо вести,
заморозив в руках автоматы.

И о чем-то важней всех команд войсковых
под солдатских шагов перестуки,
осторожно застыв на крючках спусковых,
в первый раз призадумались руки.

О история, хоть на мгновенье замри!
И ты замерла. Ты застопорила.
Слава Богу, услышала из-под земли:
«Не стреляйте!» – приказ Севастополя.

Вся политика меньше, чем жизни детей.
Но когда жить сумеем, когда же –
без продажи оружия –
продажи смертей,
чьей-то совести самопродажи?

И услышим ли мы в день прозрения свой
тишину,
слезы счастья не спрятав,
как беззвучный расстрел всех неначатых
войн
из невыстреливших автоматов?!

*6–8 марта 2014 года
Газета «Новые Известия»*

Оплакиваемый самолет

В судьбе малайзийского самолета
виновен не кто-то отдельный, а что-то.
Оно безымянно везде расплзлось –
отчаянье, бедность, изгойство и злость.

Как будто бы разума повреждение,
народы охватывает «овраждение»,
привыкли все кажущиеся друзья,
что жить без подслушиванья нельзя.

Так повелось, что других среди паники
вечно винят притворные паиньки.
Есть человеческих жизней утраты?
Паинок нет. Все во всем виноваты.

Пушкин, Шевченко с Уитменом вместе
нас призывают к братству и чести,
тень не прощающая Толстого,
невсепрощающая – Христова.
Ведь не была бы душа и Христа
при всепрощенчестве так чиста!

А во Вьетнаме разбомбленный Будда
от самолетного каждого гуда
вздрагивает и смотрит оттуда,
где изо лжи выползает война.
Он-то уж знает, что значит она.

Хватит друг в друга пальцами тыкать,
минам – в планете истыканной тикать.
Все-таки мы не в Средневековье.
И останавливание крови
нужно немедля, но не сгоряча
и от политика, и от врача.

Задумайтесь, Кремль с Вашингтоном
и Принстоном,
о шаре земном, нам до боли единственном,
А вдруг и его «овраждение» собьет,
как этот оплакиваемый самолет?

Но некому будет оплакать его,
поскольку вокруг никого, ничего.
И плачу я, ваш неназванный брат.
Простите за это. И я виноват.

18–19 июля 2014

Медсестра из Макеевки

Кусками схоронена я.
Я – Прохорова Людмила.
Из трех автоматов струя
меня рассекла, разломила.

Сначала меня он подшиб,
наверно, нечаянно, что ли,
с пьянчугами в масках их джип,
да так, что я взвыла от боли.

Потом они, как сгоряча,
хотя и расчетливы были,
назад крутанув, гогоча,
меня хладнокровно добили.

Машина их вроде была
без опознавательных знаков,
и, может, я не поняла,
но каждый был так одинаков.

Лицо мне замазав золой,
накрыли какою-то рванью,
и, может, был умысел злой
лишь только в самом добиваньи.

Конечно, на то и война,
что столько в ней все же оплошно,
но мудрость немногим дана,
чтоб не убивать не нарочно.

Я все-таки медсестра
с детишками в интернате,
но столько из них не спасла –
СПИД въелся в их каждую мать.

За что убивают детей
родительские болезни –
дарители столько смертей,
когда они в тельца их влезли?

А что же такое война,
как не эпидемия тоже?
Со знаками смерти она
у шара земного по коже.

За что убивают людей
от зависти или от злобы –
как влезшие тайно микробы,
ведь каждый из нас не злодей.

Что больше – «за что?» или «кто?».
Всех надо найти – кто убийцы
двух Кеннеди, надо добиться,
чтоб вскрылись все «кто?» и «за что?».

Я, в общем-то, немолода.
мне было уж тридцать четыре.
В любви не везло мне всегда
и вдруг повезло в этом мире.

Нашла сразу столько детей,
как будто родив их всех сразу,
в семье обретенной своей,
взрастила их новую расу.

В ней Кремль дому Белому друг,
и сдерживают свой норов,
и нету националюг,
гулагов и голодоморов.

А смирной ОК'еевки
из нашей Макеевки
не выйдет. Не взять на испуг.

И здесь в гарри-поттерском сне
любая девчушка и мальчик
в подарок придумали мне
украинско-русское «Мамчик!».

Над Эльбой солдатский костер
пора разводить, ветераны.
В правительства – медсестер
пускай приглашают все страны.

Война – это мнимый доход.
Жизнь – высшая ценность святая
и станций Зима, и Дакот,
Макеевки и Китая.

Политики – дети любви,
про это забывшие дети.
Политика, останови
все войны в нам данном столетии!

Что мертвым – молчать да молчать?
Не хочет никто быть забытым.
Но дайте хоть нам домечтать,
ни за што ни про што убитым!

5–8 февраля 2015
Газета «Известия»

«Низачтошеньки, никогдашеньки...»

Низачтошеньки, никогдашеньки
не забуду я никогда
третьеклассницы Рютиной Дашеньки,
самой первой сказавшей мне «Да».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.